

Памяти моего учителя
ЕКАТЕРИНЫ БОРИСОВНЫ СКОРОСПЕЛОВОЙ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

Н. З. КОЛЬЦОВА

ТВОРЧЕСТВО Е. ЗАМЯТИНА

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2019

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К 60

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:
доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. М. Солнцева,
доктор филологических наук,
профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского
Т. Г. Кучина

Кольцова Н. З.
К 60 Творчество Е. Замятина: Проблемы поэтики. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 176 с. — (Studia philologica. Series minor.)

ISBN 978-5-907117-55-6

В монографии представлен анализ произведений ярчайшего представителя русского модернизма XX века Е. И. Замятина, при этом в поле зрения автора книги оказывается как раннее, так и зрелое творчество писателя, что помогает показать эволюцию его творческих взглядов и выявить универсальные черты поэтики. В книге использованы различные исследовательские алгоритмы, позволяющие рассмотреть проблемы неомифологизма, синкретизма, раскрыть роль математической символики в романе «Мы», проанализировать литературные контексты, с которыми соотнесены как художественные произведения писателя, так и его литературоведческие работы.

*В оформлении переплета использован
портрет Е. И. Замятина работы Ю. П. Анненкова (1921)
и фрагмент картины В. В. Кандинского «Композиция VIII» (1923)*

ISBN 978-5-907117-55-6

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Н. З. Кольцова, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
ГЛАВА 1	
Раннее творчество	11
ГЛАВА 2	
Образ Англии в малой прозе Е. Замятина и Д. Г. Лоуренса	39
ГЛАВА 3	
К вопросу об «английских» корнях романа «Мы»	56
ГЛАВА 4	
«Мы» как неомифологический роман	61
ГЛАВА 5	
Роман «Мы» и миф о Прометее	78
ГЛАВА 6	
Роман «Мы» и «петербургский текст» русской литературы	98
ГЛАВА 7	
Математическая символика в романе «Мы»	116

ГЛАВА 8	
Литературоведческое наследие Е. Замятина	154
ГЛАВА 9	
Синтетизм Е. Замятина и синкретические тенденции в русской литературе первой трети XX века	160
<i>Литература</i>	171

ОТ АВТОРА

В этой книге собраны статьи и работы разных лет, основная часть которых была создана еще в прошлом тысячелетии — в то время, когда история отечественного замятиноведения только начинала оформляться. Тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, интерес к творчеству Замятина и к его роману «Мы» был предопределен прежде всего социально-политической обстановкой в стране: мысли «еретика» (так сам писатель определял свое литературное амплуа) удивительным образом резонировали с настроением «постперестроечных» десятилетий — эпохой переосмысления советского прошлого, критическим пересмотром всего того, что еще недавно казалось незыблемым и неприкосновенным, — в первую очередь идеологии, основанной на безоговорочном признании примата коллективного над индивидуальным, «мы» над «я». Не только читатели, но и литературоведы не могли не восхищаться провидческим гением писателя, сумевшего предсказать последствия тех явлений, которые в 20-е годы XX века только угады-

вались, неудивительно поэтому, что отечественные исследователи основное внимание уделяли Замятину как основоположнику жанра романа-антиутопии*.

Однако уже в конце 80-х годов XX века, в то время, когда состоялось возвращение замятинского наследия на родину, стали появляться работы ученых, сумевших увидеть в Замятине не только провидца-мыслителя, не только еретика, но и настоящего художника слова. Статья Е. Б. Скороспеловой с говорящим названием «Возвращение»** открывала современному читателю Замятина — подлинного классика отечественной литературы, творчество которого глубоко связано с традициями как реализма, так и модернизма.

Тогда же, в конце 80-х годов XX века, начал свою работу семинар Е. Б. Скороспеловой, посвященный творчеству Е. Замятина. Результатом деятельности семинара явились статьи, дипломные и кандидатские работы ее учеников (Ло Ливея, Чжунь Иля, автора данного сборника — Н. З. Кольцовой и др.). Семинар профессора Скороспеловой во многом и выработывал те подходы к творчеству писателя, которые сегодня в большой степени определяют картину замятиноведения в целом. Более того, немалая заслуга Екатерины Борисовны есть и в том, что сегодняшние школьники способны ориентироваться в пространстве замятинского романа-ребуса: адресованная стар-

* Чаликова В. А. Антиутопия Евгения Замятина: Пародия или альтернатива? // Социокультурные утопии XX века: Реф. сб. Вып. 6. М., 1988. С. 134–165; Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1998. № 12. С. 217–230.

** Скороспелова Е. Б. Возвращение // Замятин Е. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 3–14.

шекласникам и абитуриентам книга «Замятин и его роман “Мы”»* из серии «Перечитывая классику» в ясной и лаконичной форме знакомит читателя и с историей создания произведения, и с поэтикой текста, изобилующего намеками, историко-культурными аллюзиями и реминисценциями, большинство из которых сегодня уже разгаданы. Но в то время, когда Е. Б. Скороспелова и ее ученики только приступали к изучению творчества Замятина, фундаментальных исследований, посвященных художественному своеобразию его произведений, было не так много и существовали они в основном в пространстве англоязычного литературоведения (за то время, в течение которого писатель был «отлучен» от отечественной культуры, западные исследователи создали немало интересных работ).

Екатерина Борисовна, некоторое время преподававшая в США русский язык и литературу, по возвращении предоставила студентам и аспирантам МГУ им. М. В. Ломоносова уникальную возможность изучить статьи и книги западных славистов — и если сегодня имена Э. Дж. Брауна, Р. Грегга, Г. Керна, К. Коллинза хорошо известны, то в конце 80-х — начале 90-х годов XX века их еще только предстояло ввести в пространство отечественного замятиноведения**.

С момента возвращения творчества писателя на родину прошло уже более тридцати лет, и за это время появилось множество интереснейших моногра-

* Скороспелова Е. Б. Замятин и его роман «Мы». В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 1999. (Серия «Перечитывая классику»).

** Дипломная работа автора данного сборника называлась «Творчество Е. Замятина в англоязычном литературоведении», 1993 г.

фий и статей, возникли замятинские исследовательские центры, самым ярким из которых, безусловно, является Тамбовский государственный университет. Профессор Л. В. Полякова, крупнейший специалист по творчеству писателя, в течение всех этих десятилетий объединяет вокруг себя учеников и коллег из России и стран ближнего и дальнего зарубежья, о чем свидетельствуют и международные конференции «Замятинские чтения», и ежегодные сборники, выпускаемые Тамбовским государственным университетом, посвященные литературоведению на современном этапе и, разумеется, изучению творчества Замятина, и многочисленные монографии и статьи отечественных специалистов по творчеству писателя — это прежде всего работы самой Л. В. Поляковой, М. А. Хатямовой, Н. Комлик*.

Данная книга ни в коей мере не претендует на подведение итогов изучения прозы Замятина, задача автора гораздо скромнее: дать читателю возможность увидеть не столько динамику, сколько становление отечественного замятиноведения, понять, как формировались различные подходы к осмыслению творчества писателя, и, может быть, с помощью представленных здесь работ «войти» в атмосферу семинара профессора Е. Б. Скороспеловой.

- * Полякова Л. В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи. Тамбов, 2000; Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / Науч. ред. В. А. Суханов. М., 2008; Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец, 2000.

ГЛАВА 1

Раннее творчество

Для современного читателя имя Евгения Замятина, пожалуй, стоит в одном ряду с именами Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, Курта Воннегута, Рэя Брэдбери. Действительно, именно роман «Мы» лежит у истоков жанра антиутопии в европейской литературе. «Принадлежность» Замятина к европейской культуре отмечали и современники писателя: Блок как-то назвал Замятина «англичанином», и это прозвище «срослось» с писателем, в котором современники видели человека сдержанного, всегда элегантно одетого, несколько педантичного. Так, В. Маяковский в шутивном послании к коллегам-литераторам посвятил Замятину строки:

Что пожелать Вам, сэр Замятин?
Ваш труд заранее занятен.
Критиковать Вас не берусь.
Ваш труд занятие светское...*

* Маяковский В. В. Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы (Что пожелать Вам, сэр Замятин?) // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М., 1958. С. 148–151.

Причины подобного восприятия писателя современниками кроются прежде всего в его биографии: Замятин, математик и кораблестроитель по первой профессии, накануне революции работал на судовой верфях Англии, из которой привез великолепное знание английского языка и произведения, написанные на материале английских впечатлений, — повесть «Островитяне» (1917) и рассказ «Ловец человеков» (1918). Для самого же Замятина быть «англичанином», «западником» прежде всего означало быть «сюжетником», т. е. уметь «строить» занимательный сюжет. В статьях 20-х годов писатель настойчиво призывал собратьев по перу обратить взоры на Запад, на европейскую литературу, чтобы победить «застарелую болезнь» русской прозы — «сюжетную анемию»*.

Однако пришел «англичанин» Замятин в русскую литературу с самой что ни на есть традиционной русской темой — захолустья, глубинки, жизнь которой он знал как никто другой: Замятин родился в семье священника и первые восемнадцать лет провел в Лебедяни, маленьком городке недалеко от Тамбова, в том крае, о котором, по словам самого Замятина, писали Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. По окончании Петербургского политехнического института Замятин преподает на кафедре корабельной архитектуры, публикует свои статьи в технических журналах. Много позже в одном из интервью он определит свою профессию как «еретичество». До 1917 года быть еретиком значило быть на стороне большевиков, и За-

* Замятин Е. Новая русская проза // Замятин Е. Собрание сочинений: В 5 т. Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М., 2004. Т. 3: Лица. С. 608.

мятин еще студентом участвовал в политических демонстрациях, в 1905 году проводил агитацию среди рабочих на Выборгской стороне. Он неоднократно находился под арестом, его выслали из Петербурга на родину, в Лебедянь. Не менее насыщенной была и литературная жизнь Замятина.

Замятинское вхождение в большую литературу оказалось поистине триумфальным: повесть «Уездное» (1912) не просто привлекла к себе внимание, но удостоилась весьма лестных отзывов критиков и писателей. В Замятине увидели последователя Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского и при этом художника самобытного и оригинального, едва ли не «живого классика»*. Ф. Сологуб даже не поверил, что такое зрелое произведение, как «Уездное», принадлежит перу новичка, и заподозрил в авторстве уже известного к тому времени А. Ремизова.

Однако успеху всё же предшествовала неудача: «Уездное» не было первым произведением писателя — в 1908 году Замятин дебютировал рассказом «Один», который был опубликован в журнале «Образование». За ним последовал рассказ «Девушка», но успех пришел именно с «Уездным», замысел которого, по признанию самого художника, возник из яркого зрительного впечатления: «На какой-то маленькой станции, недалеко от Москвы, я проснулся, поднял штору. Перед самым окном — как вставленная в рамку — медленно проплывала физиономия станцион-

* Позже В. Шкловский, который не относил себя к почитателям таланта Замятина, писал: «Слава у Замятина большая. Всё это заставляет думать, что писатель он классический» (см. Шкловский В. Потолок Евгения Замятина // Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С. 246).

ного жандарма: низко нахлобученный лоб, медвежьи глазки, страшные четырехугольные челюсти. Я успел прочитать название станции: Барыбино. Там родился Анфим Барыба и повесть “Уездное”^{*}.

Анфим Барыба — центральная фигура повести — становится воплощением косной, не просветленной разумом, «звериной» провинциальной жизни. Главки, из которых состоит повесть, позволяют не только рассказать историю превращения бесталанного, скудоумного Барыбы из бездельника и воришки в урядника (а урядник в провинциальной глуши — это больше, чем представитель власти, это едва ли не олицетворение государственности), но и благодаря разветвленной системе персонажей охватить все сферы, все слои провинциальной жизни — от мещан, купцов до представителей духовенства (и в этом, безусловно, считывается гоголевская традиция). Гоголевское начало заявляет о себе и на уровне писательской техники, приемов, среди которых преобладают гротеск (в бахтинском понимании термина, т.е. на уровне совмещения полярностей, противоположностей в рамках одного образа — будь то образ персонажа или города в целом), метонимический принцип создания портрета, развернутое сравнение и развернутая метафора. Замятин избегает пространных описаний, но благодаря «интенсивной детали» — с помощью заострения какой-либо наиболее характерной черты внешнего облика — создает запоминающиеся, врезающиеся в память изображения героев: сладострастная Чеботариха — расплзающееся тесто, сирота Полька — тряпочная кукла.

* Замятин Е. Закулисы // Замятин Е. Указ. соч. С. 189.

Тема камня, сопутствующая образу Барыбы на протяжении всего повествования (в первой главке мы видим Барыбу разгрызающим камешки на потеху одноклассникам), постепенно набирает силу, развивается «по крещендо» и получает разрешение в последних строках повести: каменная курганная баба, с которой у автора ассоциируется Анфим Барыба, символизирует пребывание героя — а вместе с ним и всей уездной жизни — в некоем «языческом», т. е. дохристианском, а по сути даже не только «до-человеческом», но и «до-животном» состоянии. «Мертвая душа» Барыбы теперь не просто «заросла телом», но замурована в каменную темницу, и потеря последних признаков человечности в герое подана и как «утрата» им мужского начала: Барыба, «превращаясь» в каменную бабу, т. е. во что-то грузное и бесформенное, сливается с обезличенным, лишенным каких бы то ни было признаков живой жизни «существом» среднего рода — «уездным». Тема и образ камня, варьируясь, подключая к себе другие, становятся одними из ключевых в повести. Подобное последовательное, даже настойчивое повторение запоминающейся подробности, некоей «краски» Замятин позже назовет «интегральным образом»: «Отдельными, случайными образами я пользуюсь редко: они — только искры, они живут одну секунду — и тухнут, забываются. Случайный образ — от неумения сосредоточиться, по-настоящему увидеть, поверить. Если я верю в образ твердо — он неминуемо родит целую систему производных образов, он прорастет корнями через абзацы, страницы. В небольшом рассказе образ может стать интеграль-